
**«Починить против прежнего, без всякой отмены»:
восстановление старых подмосковных дворцов
в контексте мемориальной и династической
политики Петра I**

Андрей Топычканов

**«To restore to the former state, without any exception»:
restoration of old palaces near Moscow in the context of the memorial and
dynastic policy of Peter the Great**

Andrey Topychkanov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020054, EDN: FTQLSW

Представление о петровском царствовании как о времени полного разрыва с предшествующей традицией, кажется, уходит в прошлое. Исследователи признали «несовременность» (*non-modernity*) этой эпохи¹, заговорили о «возвращении... кремлёвской культуры»² и «восстановлении (*instauration*) или, иными словами, реставрации (*restoration*) адамического знания» в царствование Петра I³, обнаружили влияние средневековых градостроительных принципов на формирование Санкт-Петербурга⁴ и преобладание в его культурном слое «вещей традиционных типов, восходящих к русскому средневековью»⁵. В этой статье рассматривается ещё одна сфера, для которой связь новой эпохи с XVII в. имела чрезвычайно важное значение — практика восстановления старых подмосковных дворцов.

В течение длительного времени Пётр I не проявлял особого интереса к старым дворцам Москвы и Подмоскovie. Даже если бы он не проводил столь масштабных реформ, его отказ сохранять наследие XVII в. или его участие в уничтожении памятников прошлого были бы совершенно естественными и в полной мере соответствовали общемировой практике⁶. Однако на рубеже

© 2022 г. А.В. Топычканов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20–09–42021.

Выражаю признательность С.И. Барановой, Л.А. Беляеву, И.В. Курукину и А.Е. Ухналеву за ценные замечания, сделанные в процессе подготовки статьи.

¹ *Waugh D. C.* We Have Never Been Modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 2001. Bd. 49. H. 3. S. 321–345.

² *Погосян Е.А.* Пётр I накануне петровских реформ // *Лотмановский сборник*. Вып. 3. М., 2004. С. 35.

³ *Collis R.* The Petrine Instauration: Religion, Esoterism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden, 2012. P. 358.

⁴ *Лебедев Г.С.* Первоначальный Петербург как компонент городского пространства // *Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. Материалы научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2002 г.* СПб., 2003. С. 137, 142; *Сорокин П.Е.* Археологические исследования в Санкт-Петербурге // *Клио*. 2015. № 7. С. 131.

⁵ *Михайлова Е.Р.* Находки в Колтовской и Шневенской слободах: Материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX в. // *Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв.* М., 2020. С. 360.

⁶ *Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country. Ed. 2, revisited. Cambridge, 2015. P. 136–144.

1710–1720-х гг. Пётр I неожиданно обратил внимание на старые подмосковные загородные резиденции и начал масштабные и дорогостоящие работы по их восстановлению⁷. Первым в этом ряду стал деревянный Коломенский дворец, выстроенный в 1667–1672 гг.⁸ Именным указом от 5 января 1719 г., написанным «за его царского величества собственною рукою», Пётр I распорядился заменить ветхие брёвна на новые и подвести под дворец каменный фундамент: «В бытность нашу на Москве видели мы, что в Коломенском у старых наших хором снизу бревна ветхи, а верхняя еще здоровы, того для мы разсудили те гнилыя бревна снизу выбрать и подделать вместо того каменной фундамент»⁹. В именном указе Петра I президенту Камер-коллегии кн. Д.М. Голицыну уточнялось: «Ежели которые покои обветшали, те вели починить против прежняго строения, а кровля в которых местах худа, там вели починить против прежняго ж». Указ недвусмысленно требовал восстановить дворец без изменений – «без всякой отмены»¹⁰. В значительной степени поставленную задачу выполнили в 1722–1724 гг., о чём сообщил Ф.В. Берхгольц в мае 1724 г.: «Старый дворец снабдили совершенно новым фундаментом и вообще поправили, так что он теперь долго ещё может стоять; изменений однако ж в нём никаких не сделано, напротив сохранено всё в первобытном виде»¹¹. Основные работы по восстановлению дворца завершились к торжествам по случаю коронации Екатерины Алексеевны. Посещение Коломенского дворца членами императорской фамилии, включённое в коронационные торжества, состоялось 12–14 мая¹².

Хуже изучена история восстановления царского дворца в Преображенском, что связано с существованием на его территории трёх дворцов: Старо-Преображенского, Ново-Преображенского и хором царевича Алексея Петровича¹³. Согласно расходным книгам приказа Большого дворца, на протяжении 1722 – начала 1723 г. деньги выдавались «плотником, которые в селе Преображенском на его императорского величества дворе разбирали старые хоромы, Петру Антошову с товарищи тридцати человеком за збирку старых хором, конюшни, заборов, ворот и поставить против прежнего, как были»¹⁴. Помимо плотничной артели в работах участвовали 35 дворцовых крестьян, присланных «в село Преображенское на его императорского величества двор, где строят вновь хоромы, для собрания старых хором»¹⁵.

В исследованиях Д.В. Желудкова и А.В. Бугрова все восстановительные работы отнесены к Ново-Преображенскому дворцу: якобы «старый» Ново-

⁷ В статье не рассматривается практика сохранения дворцов в других городах, в том числе петербургского Домика Петра I, для сохранения которого в 1723 г. по проекту архитектора Д. Трезини выстроили каменный «чехол».

⁸ Желудков Д.В. Возобновление деревянного Коломенского дворца в 1720-е годы и эстетическая программа Петра Великого // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1998. М., 1999. С. 534–544.

⁹ Копии указа известны в нескольких списках: РГАДА, ф. 9, оп. 1, отд. 1, кн. 12, л. 8 об.–9; оп. 3, отд. 2, кн. 45, л. 244.

¹⁰ Там же, оп. 1, отд. 1, кн. 16, л. 57а. Черновик см.: Там же, кн. 57, л. 259.

¹¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. М., 1860. С. 60.

¹² Походный журнал 1724 г. СПб., 1855. С. 7; Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 59–60.

¹³ После смерти царевича хоромы были пожалованы корабельному мастеру Ф.М. Склеяву и в дальнейшем именовались «двором Феодосия Склеява».

¹⁴ РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 437, л. 19, 48, 108.

¹⁵ Там же, д. 357, л. 13; д. 356, л. 34.

Преображенский дворец разобрали, на его месте построили новый, затем на новом месте «старый» дворец собрали и сожгли 24 февраля 1723 г.¹⁶ За сжиганием наблюдал Берхгольц. По его словам, Пётр I сказал присутствовавшему герцогу Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому, «что потому захотел сжечь свой старый дом, что в нём решил вопрос относительно войны (Северной. — А.Т.), которая теперь, слава Богу, кончилась миром, почему и этот дом должен уничтожиться и исчезнуть с глаз долой»¹⁷.

Вызывает сомнение, что сожгли восстановленный дворец, поскольку плотничная артель Петра Антошова, разбиравшая и собиравшая «старый» дворец, работала, по крайней мере, до конца марта 1723 г., т.е. уже после того, как его якобы сожгли. Во-вторых, в источниках прямо утверждается, что старый дворец собрали на государевом дворе¹⁸, а не на новом месте, где, следуя описанию Берхгольца, уничтожили «старый дом, в котором прежде жил император»¹⁹. Кроме того, Берхгольц утверждает, что дом, предназначавшийся для сожжения, поставили на площади, однако артель плотников под руководством Петра Антошова осуществляла «збирку старых хором» вместе с конюшней, заборами и воротами²⁰. Исходя из этого, следует пересмотреть локализацию строительных работ в Преображенском и отнести указанные восстановительные работы к Старо-Преображенскому дворцу, где прежде жила царица Наталья Алексеевна. Происхождение сожжённого «старого дома» требует специального исследования: собрали ли его из ветхих брёвен, оставшихся после восстановления Старо-Преображенского дворца или ремонта других дворцов²¹, либо он являлся имитацией одной из клеток какого-либо дворца в Преображенском. Во время коронационных торжеств 1724 г. члены императорской фамилии также останавливались в Старо-Преображенском дворце²².

Одновременно велось восстановление «деревянного городка» на Яузе — знаменитого Прешбурга, построенного в 1680-х гг. напротив Старо-Преображенского дворца. 8 июня 1722 г. Пётр I «указал в Преображенском по реке Яузе деревянный городок, где преж сего был, построить вновь тем же маниром и к тому определить камисара заобычного, а денги на то строение отпустить из збору с возов»²³. В общей сложности на восстановление Прешбурга отпустили 1600 руб. Руководителем работ назначили капитана Ивана Иванова сына Колемина. В его доношениях перечисляются следующие постройки: «го[родок] и в нем столовые и протчие две светлицы и подъем[ной] мост». О характере работ свидетельствует сообщение Колемина: «в столовой светлицы потолок и окна по старому манеру»²⁴.

Практика восстановления дворцов не распространялась на поздние московские дворцы, в том числе на неоднократно перестраивавшиеся хоромы на

¹⁶ Желудков Д.В. Дворцовое строительство в Преображенском // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 504; Бугров А.В. Преображенское и окрестности. Очерки истории. М., 2004. С. 34–39.

¹⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 3. М., 1860. С. 40.

¹⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 437, л. 19, 48, 108; д. 357, л. 13; д. 356, л. 34.

¹⁹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 3. С. 38–40.

²⁰ РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 437, л. 19.

²¹ Практика сжигания ветхих изб встречается при строительных работах в других дворцах. Например, 13 июня 1724 г. «у бывшего Головинского дому старья избы жгли» (Походный журнал 1724 г. С. 8).

²² Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 61–62, 65.

²³ РГАДА, ф. 248, оп. 2, д. 57, л. 142.

²⁴ Там же, л. 147, 151.

Красном (Царицыном) лугу. Например, 22 декабря 1722 г. Пётр I распорядился «на Красном лугу у светлиц прежнее попорченное строение в ызбах и в сараях починить и вновь построить»²⁵. Все работы следовало выполнить до 30 декабря, поскольку 1 января во дворце намечалось застолье²⁶. Если сравнить распорядительную документацию на строительные работы на Красном лугу с требованиями, предъявленными Петром к дворцам в Коломенском и Преображенском, бросается в глаза отсутствие требования построить дворец «против прежняго ж, без всякой отмены», «против прежнего, как были» или «по старому манеру». Действительно, в ходе строительства на Красном лугу в планировку дворцовой территории внесли изменения, поставив новые двухсаженные избы — «елевую» и «сосновую»²⁷.

Одновременно с организацией масштабных работ в старых дворцовых усадьбах Пётр I решил приобрести усадьбу графа Ф.А. Головина (за неё родственникам последнего выплатили 10 тыс. руб.)²⁸. Работы по обновлению усадьбы поручили царскому врачу Николасу Бидлоо. 12 мая 1722 г. «дохтур» подал царю, находившему в Преображенском, перечень вопросов, напротив которых тот написал распоряжения. В частности, на вопрос: «Хоромы и старое люцкое строение ломать ли?» Пётр распорядился: «Деревянное все ломать». А на вопрос: «Конюшню или иное какое строение, в чем нужда будет, строить ли, и в которых местах оные строения строить?» он написал: «Не строить до нашего возврата»²⁹. Таким образом, и эту усадьбу Пётр не планировал оставлять в первоначальном виде, хотя в процессе проектирования приняли решение частично сохранить два старых парка — Головинский и Петровский — в составе нового ансамбля³⁰.

Из современников только Берхгольц упомянул о причине восстановления дворцов. Он осмотрел Коломенский дворец 22 июня 1722 г. в составе свиты герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Вероятно, со слов «шталмейстера императрицы», показавшего им здание, Берхгольц записал следующее: «Коломенский дворец построен 60 лет тому назад отцом его величества императора, который и сам не более как за 27 лет ещё жил в нём и *потому* назначил теперь известную сумму на его возобновление» (выделено мною. — *А.Т.*). Такое объяснение не убедило посетителей, решивших, «что оно не стоит того, потому что в нём уж мало хорошего, между тем как такие поправки требуют больших издержек и трудов, не обещая всё-таки сделать его обитаемым»³¹. Современники связывали восстановление этого и других дворцов с тем, что в них жил Пётр I.

В историографии сформировались два взгляда на практику восстановления дворцов в Коломенском и Преображенском. По мнению О.С. Евангуловой, «с появлением Петербурга Москва превратилась в старый город, носитель и за-

²⁵ Там же, ф. 396, оп. 3, д. 358, л. 218. См. тетрадь «от росходу подьячего Гаврила Васильева», где фиксировали закупку строительных материалов на ремонт дворца и оплату работы артели П. Антошова в декабре 1722 г. (Там же, л. 218–231).

²⁶ Упоминается закупка вина и работа повара на застолье (Там же, д. 437, л. 75, 86).

²⁷ Там же, д. 358, л. 222, 224 об.

²⁸ Там же, ф. 9, оп. 1, отд. 1, д. 57, л. 217 об.

²⁹ Там же, л. 178.

³⁰ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 38–39.

³¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 2. М., 1860. С. 166.

конный продолжатель средневековых традиций. На протяжении всего XVIII в. и Пётр, и все его преемники рассматривали Москву и её древнюю архитектуру как национальное наследие. Достаточно вспомнить, как Пётр заботился о неприкосновенности Коломенского, подчёркивая необходимость починить его “против прежнего строения”, “против прежнего без всякой отмены”. Горячо любя всё новое, он чётко выделял те сферы, в которых изменения казались неуместными даже в его богатое реформами время³².

Д.В. Желудков занял противоположную позицию. Он детально проследил историю возведения дворца на Царицыном лугу, названном им «одной из первых построек, целиком принадлежавших Новому времени», рассказал о «попытке организовать современный дворцовый центр Москвы» в Преображенском и попытался вписать в этот контекст восстановление дворца в Коломенском. По его словам, «восстановление внешнего облика дворца “против прежнего строения” говорит не о простом сохранении его в прежнем виде, а лишь о имитации прежнего здания. Причина этого лежала вовсе не в сентиментальных воспоминаниях императора... а в изменившихся требованиях к дворцовым резиденциям. Поэтому воссоздание Коломенского дворца в первоначальном виде должно свидетельствовать о его “актуальности”». Эту актуальность исследователь связывает с тем, что Коломенский дворец либо соответствовал «слагающимся тогда тенденциям эстетики рококо», либо воспринимался как «вариант модного ориентализма»³³. В статье, специально посвящённой возобновлению Коломенского дворца в 1720-е гг., Желудков остановился на втором объяснении. По его словам, «Коломенский дворец, как, впрочем, и Преображенский городок, был выбран в качестве наиболее показательного образца порождённой логикой развития допетровского искусства “старомосковской” архитектуры, ставшей уже исторической, но оказавшейся равноценной “этнографической” китайской и потому оценённой и востребованной в новых условиях». В этом примере автор видит «пробуждение “самосознания” национальной культуры»³⁴. Несмотря на различия интерпретаций, оба исследователя во многом точно определили характер строительных работ в Коломенском и Преображенском, где в начале 1720-х гг. Пётр I пытался сохранить именно старые дворцы XVII в. Однако нет причин видеть в этой практике воплощение представлений о «национальном наследии» или результат «пробуждения “самосознания” национальной культуры». В архитектурной реставрации влияние этих представлений обнаруживается значительно позже³⁵.

Для понимания цели восстановления дворцов в Коломенском и Преображенском следует обратить внимание на то, что работы начались в конце 1710-х – начале 1720-х гг., хотя Пётр и ранее прекрасно знал о ветхом состоянии Коломенского дворца и Прешбурга. Последний раз он останавливался

³² Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы... С. 43.

³³ Желудков Д.В. Новые материалы о дворцовом строительстве в Москве петровского времени // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 124, 128, 132–133.

³⁴ Желудков Д.В. Возобновление деревянного Коломенского дворца... С. 541, 542.

³⁵ Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002; Топычканов А.В. Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII – начале XX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. Коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. М., 2012. С. 327–354.

в Коломенском дворце в 1702 г.³⁶ Приехав сюда для подготовки к Полтавскому триумфу в 1709 г., Пётр был вынужден жить в избушках³⁷.

Рубеж 1710–1720-х гг. стал важным этапом в осмыслении Петром I истории своего царствования и в осознании своей исторической миссии. Данный процесс активизировался после его заграничного путешествия в 1716–1717 гг. и особенно после подписания Ништадского мира и провозглашения Петра императором в 1721 г. К тому времени относятся формирование протомузеев, указы о собирании древностей, деятельность первого «истории описателя» — аббата Ивана Крушалы, составление плана «Генеральной Российской истории», подготовка «Истории Свейской войны» и многие другие царские инициативы³⁸. В реализации ряда проектов Пётр принимал непосредственное участие, подготовив Морской регламент (1720) с обширным историческим предисловием («не токмо утрами, но вечерами, по дважды на день, оное делано в разные времена») и отведя субботнее утро для работы над «Историей Свейской войны»³⁹.

Он собственноручно изложил историю находки ботика «Святой Николай» в Измайлове, вошедшую в предисловие к Морскому регламенту⁴⁰. В нём подчёркивалось историческое значение находки, вызвавшей живой интерес Петра: «Кто бы тогда подумал, что охота сия государева к большому делу произойдет, а не в игрании толко юношеском останется. Но так собственно от протчих удивителен показался государь сей, что и юношеская его игранья вменися в дела важныя и в историях написовать достойны явилисья»⁴¹. В итоге ботик превратился в один из важных символов петровского царствования и уже в январе 1722 г. участвовал в московских торжествах по случаю годовщины заключения Ништадского мира⁴². 7 февраля 1722 г. мемориальную политику распространили и на остатки Потешной флотилии на Переяславском озере: император повелел «беречь остатки кораблей, яхт и галеры»⁴³. По сути, Пётр превращал Коломенский, Старо-Преображенский дворцы и Прешбург в такие же памятники своего царствования. Возможно, если бы к тому времени не перестрои-

³⁶ Бруин К., де Путешествие через Московию. М., 1873. С. 61.

³⁷ Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 гг. СПб., 1854. С. 23 (4-я паг.); Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 475.

³⁸ Строев В.Н., Варыпаев П.И. Участие Кабинета Петра Великого в составлении истории Петровского царствования // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. С. 130–172; Пеутич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. Л., 1961; Майкова Т.С. Пётр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 103–132; Смирнова Е.И. Документы Петровского времени из архива Оружейной палаты о создании экспозиции в Мастерской и Оружейной палате Московского Кремля // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 96–99; Погосян Е.А. Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001; Майкова Т.С. История создания «Истории Свейской войны» // История Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 15–45; Серов Д.О. Юрьевская степенная книга: рукописная традиция, история создания, автор, текстология // Юрьев И.Ю. Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских / Подгот. Д.О. Серов. М., 2013. С. 11–95.

³⁹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. С. 94, 115.

⁴⁰ Веселаго Ф.Ф. Сведения о ботике, дедушке русского флота, за 200 лет с 1688 по 1888 г. СПб., 1888. С. 3–13.

⁴¹ Предисловие к доброхотному читателю // Морской устав. СПб., 1720. С. 6.

⁴² Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 20.

⁴³ ПСЗ-I. Т. 6. № 5903. С. 510.

ли Измайловский дворец, то и его бы включили в программу восстановления дворцов XVII в. — слишком большую роль Измайлово сыграло в жизни Петра.

Нельзя не обратить внимания на связь мемориальной и династической политики, свидетельством чего стало включение восстановленных дворцов Коломенского и Преображенского в программу коронационных торжеств мая 1724 г. Возможно, эта связь существовала и ранее. В указе о восстановлении Коломенского дворца от 5 января 1719 г. говорится, что царь видел дворец «в бытность нашу на Москве». Последний раз перед этим он был в Москве с 21 декабря 1717 по 18 марта 1718 г. Именно в тот приезд Пётр решил осмотреть в Кремле «царские венцы и платья», причём сделал это 30 января, накануне приезда царевича Алексея Петровича. После изучения Мастерской и Казённой палаты царь повелел «на вышеписанные царские венцы, и платье, и на все вещи устроить шафы дубовые, и чтоб все вышеписанные царские венцы, и платье, и все вещи устроить в тех шафах явственно за стеклы. А которые царские венцы и иные вещи в той Казенной полате попортились, починить вновь»⁴⁴. 3 февраля в Ответной палате Московского Кремля царевич Алексей Петрович просил прощения у отца за свои «преступления», а затем в Кремлёвском Успенском соборе присягнул, что отказывается от наследования престола в пользу царевича Петра Петровича. Решение вопроса о престолонаследии, должно быть, не случайно совпало с музейфикацией собрания «царских венцов и платья» и посещением Коломенского. По крайней мере, в ключевой династический акт этого времени — царский манифест от 3 февраля 1718 г. — включены рассуждения мемориального содержания: о «наследнике государства», «славе и чести народа российского» и сохранении того, «что чрез помощь Божию отец получил»⁴⁵. Связь мемориальной и династической политики Петра I явно прослеживается в программе коронационных торжеств 1724 г., перед которыми восстановили дворцы не только в Коломенском и Преображенском, но и в Кремле⁴⁶. С конца XVII в. Кремлёвский государев двор не использовался и пришёл в крайне ветхое состояние⁴⁷. Масштабные восстановительные работы здесь начались в мае 1722 г. и завершились к маю 1724 г. Императрица переночевала в Кремле две ночи: до и после коронации⁴⁸.

Получается, что три дворца XVII в. — Кремлёвский, Коломенский и Старо-Преображенский — восстановили к коронации Екатерины Алексеевны 7 мая 1724 г. Пётр придавал этому событию чрезвычайно большое значение. Приняв титул императора, он не стал устраивать собственной императорской коронации, зато организовал коронацию Екатерины Алексеевны, заложив основные традиции этого церемониала. Именно Пётр определил, что императорская коронация должна проходить в Успенском соборе Московского Кремля, задействовал в церемониале Грановитую палату, Кремлёвский дворец, Ар-

⁴⁴ Смирнова Е.И. Документы Петровского времени... С. 96.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 5. № 3151. С. 536. В последующих династических актах Пётр больше апеллировал к историческим примерам, ссылаясь в Уставе о наследии престола 1722 г. на Степенную книгу, а в Указе о коронации Екатерины Алексеевны 1723 г. на византийскую историю.

⁴⁶ Восстановительные работы в московских дворцах начались задолго до образования коронационной комиссии (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739) и велись независимо от неё.

⁴⁷ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / Собр. и изд. И.Е. Забелин. Ч. 1. М., 1884. Стб. 250–252, 1283–1350.

⁴⁸ Описание коронации ея величества императрицы Екатерины Алексиевны. СПб., 1724. С. 5, 24; Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 58, 59.

хангельский собор и собор Вознесенского монастыря, включил в программу коронации посещение загородных резиденций⁴⁹. Традиционный характер церемониала демонстрировался с помощью не только указанной топографии, но и регалий: новая «корона царская» должна была выглядеть как «якобы старая, а не вновь сделаная»⁵⁰.

Согласно министру голштейн-готторпского герцога Г.Ф. Бассевичу, накануне коронации император сказал, «что назначенная на следующий день церемония гораздо важнее, нежели думают; что он коронует Екатерину для того, чтобы дать ей право на управление государством; что спасши империю, едва не сделавшуюся добычею турок на берегах Прута, она достойна царствовать в ней после его кончин; что она поддержит его учреждения и сделает монархию счастливой»⁵¹. Французский посланник Ж. де Кампредон понял смысл коронации точно так же, о чём сообщил в донесении от 26 мая 1724 г.: «Весьма и особенно замечательно то, что над царицей совершён был, против обыкновения, обряд помазания, так что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга»⁵².

Проживание императрицы Екатерины Алексеевны в трёх дворцах XVII в. — Кремлёвском, Коломенском и Старо-Преображенском — в контексте коронационных торжеств приобретает символическое значение: таким образом Пётр объявил её наследницей Московского царства и династии Романовых. Это символическое значение не нашло отражения в панегирических и драматических произведениях, приуроченных к коронации Екатерины Алексеевны. Архиепископ Феофан (Прокопович) в начале своей проповеди, произнесённой в Успенском соборе, прямо сказал, что «не кровь близкая, не естественный наследия жребий корону сию исходатайствовал». О преемственности он упомянул только в обращении к императорской семье: «Благословенна и ты, высокая фамилия монаршая! Ваш се свет, ваша радость, ваша слава свойственнейшая, яко крови толиких родителей, тако и славы их участницы есте»⁵³. Чуть больше внимания этой теме уделил архимандрит Софроний Лихуд — автор «Слова похвального на преславное венчание благочестивейшия великия государыни наша императрицы Екатерины Алексиевны»: «Время же в будущем сохранит народные нотации твоих превосходных дел, якоже всяк град и царство хранит своя истории, чтоб весь век сих не загладил. Что же более, аще присносущность (вечность. — А.Т.) дала, негли ведение древности, чтоб не возгорделася власть немощи, коея противу тебе, но да хранит тя и соблюдает на многа лета в сем благоцветном стоянии императорскаго величества благодатию Божиею, да узриши чада и чада чад к бла-

⁴⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002. С. 100–112; Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, 2007. P. 170–204; Курукин И.В. Екатерина I. М., 2016. С. 146–160; Аронова А.А. Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I — Екатерина II // Искусствознание. 2017. № 3. С. 172–190.

⁵⁰ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739, л. 2 об.—3. Подробнее см.: Быкова Ю.И. Придворный ювелир Самсон Ларионов и императорские короны первой половины XVIII в. // Государственный музей «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 27. М., 2016. С. 195–221.

⁵¹ Бассевич Г.Ф. Записки о России при Петре Великом. М., 1866. Стб. 159–160.

⁵² Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 52. СПб., 1886. С. 220.

⁵³ Феофан (Прокопович), архиеп. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. Ч. 2. СПб., 1761. С. 105, 110.

гополучнейшему преемству императорского вашего величества в веки веков, и по сих да восприимете и присносущность»⁵⁴.

На восстановленное материальное наследие Романовых не обратили внимания ни Феофан (Прокопович), ни Софроний Лихуд, ни Фёдор Журовский, автор пьесы «Слава российская», показанной царской семье в Московской госпитали 18 мая 1724 г.⁵⁵ Исключение составило «Описание коронации ея величества императрицы Екатерины Алексиевны», изданное Сенатом 5 сентября 1724 г. В нём подчёркивалось, что Кремль — «замок в середине города Москвы, в котором прежние императоры всероссийские, предки его, ныне счастливо владеющего его императорского величества, обыкновенную свою резиденцию имели», что «болше 20 лет их императорския величества во оных не резидовали» и что Пётр и Екатерина «в императорских покоях того замка начевать изволили»⁵⁶, хотя Пётр в Кремле, скорее всего, не ночевал⁵⁷. О посещении других дворцов в «Описании...» не говорилось.

Судя по всему, старые дворцы в 1724 г. играли исключительно символическую роль. Они не отвечали требованиям изменившегося придворного церемониала и не соответствовали новым эстетическим вкусам и представлениям о комфорте⁵⁸. Ещё в декабре 1723 г. Пётр распорядился построить на территории Головинской усадьбы светлицы, где планировал остановиться в следующем году⁵⁹. Там императорская чета в основном и жила во время коронационных торжеств⁶⁰. В том же 1724 г. император поручил вернувшемуся из Италии П.М. Еропкину и Т.Н. Усову подготовить проект новой усадьбы рядом со Старо-Преображенским дворцом⁶¹. Увидеть реализацию этого проекта ему уже не довелось.

Восстановление Коломенского и Старо-Преображенского дворцов в 1720-х гг. следует рассматривать в контексте мемориальной и династической политики Петра I. Занимаясь конструированием мифа о Российской империи и своей роли в её преображении, Пётр восстановил в Москве серию памятников, обозначающих этапы его жизни и царствования: Кремлёвский дворец — Коломенский дворец — Старо-Преображенский дворец — Прешбург. Впервые он обратился к двум мемориальным образам (Кремль и Коломенское) в 1718 г., когда решался вопрос о наследнике престола. Восстановление всех четырёх архитектурных ансамблей приурочили к торжествам по случаю коронации Екатерины Алексеевны. И хотя императорская семья остановилась в 1724 г. в Головинском дворце, Екатерина Алексеевна по несколько дней жила в Кремлёвском, Коломенском и Старо-Преображенском дворцах. Так Пётр показал,

⁵⁴ *Софроний Лихуд, архим.* Слово похвальное на преславное венчание благочестивейшия великия государыни наша императрицы Екатерины Алексиевны / [Сообщ. В.М. Ундольский] // Русский архив. 1863. № 10–11. Стб. 767.

⁵⁵ Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 256–283.

⁵⁶ Описание коронации ея величества... С. 1–2, 5.

⁵⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 44, 58, 59.

⁵⁸ Например, поездку в Коломенское 12–14 мая 1724 г. Пётр и Екатерина смогли совершить лишь с небольшим числом придворных, что вызвало подозрения у французского посланника (Сборник ИРИО. Т. 52. С. 221, 232).

⁵⁹ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы... С. 39–42.

⁶⁰ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 43, 59.

⁶¹ *Евангулова О.С.* Московская архитектура и её создатели, первая половина XVIII в. М., 2014. С. 102–108.

кто полноправный хозяин этих дворцов и кого он наделил правом наследовать Московское царство и стать главой Российской империи⁶².

Возведя Екатерину Алексеевну на императорский престол, Пётр преследовал ещё одну цель: он активизировал переговоры о заключении династических браков своих дочерей — присутствовавших на коронации цесаревен Анны и Елизаветы — с представителями европейских династий⁶³. После 1718 г. династический вопрос приобрёл особенную остроту, что заставило Петра I прибегнуть к символическому капиталу, унаследованному от предшествующих поколений династий Рюриковичей и Романовых, воплощённому не только в церемониале, монарших регалиях, некрополе Архангельского собора и собора Вознесенского монастыря, но и в архитектурных памятниках царских резиденций. Кремлёвский и подмосковные дворцы подкрепляли идею наследственной монархии, а потому были восстановлены и интегрированы Петром I в складывающийся церемониал императорской коронации. Двору и представителям других государств, присутствовавшим на коронации 1724 г., продемонстрировали преемственность от Московского царства к Российской империи, от Петра I к Екатерине Алексеевне и их дочерям — Анне и Елизавете.

⁶² Коронация Екатерины Алексеевны послужила важным аргументом, когда обсуждался вопрос о преемнике Петра I после его смерти (*Курукин И.В.* Эпоха «дворцовых бурь». Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 85–97).

⁶³ *Bushkovitch P.* Succession to the Throne in Early Modern Russia: the Transfer of Power, 1450–1725. Cambridge, 2021. P. 242–327.